

I. ROZPRAWY I ANALIZY

DOI: 10.17951/et.2026.38.37

Галина Яворська

Національний інститут стратегічних досліджень, Київ, Україна

ORCID: 0000-0001-7731-4786

e-mail: galina.yavorska@gmail.com

Этнолингвистические словари и динамика когнитивных ориентаций: что необходимо фиксировать и почему?

**Ethnolinguistic dictionaries and the dynamics of cognitive
orientations: what needs to be recorded and why?**

Abstract: The article examines the problem of lexicographic representation of ethnolinguistic data in the context of a breakdown in a community's cognitive orientations. The new linguistic facts relating to Russia's full-scale aggression on Ukraine and the discursive representation of the Russian-Ukrainian war make it possible to examine the relationship between language and culture in terms of cognitive orientational dynamics. This provides a foundation for exploring the need to record cultural data in ethnolinguistic dictionaries. The empirical basis consists of facts of the current Ukrainian language and culture. These data are analysed from semantic and pragmatic perspectives, with a focus on cognitive-semantic changes influenced by context.

Keywords: ethnolinguistics; cognitive orientations; polarization; semantics; pragmatics; axiological concepts; lexicography

Вступительные замечания

Война меняет существование людей и сообществ, влияя на язык как один из главных аспектов индивидуальной и социальной экзистенции. Изменяя окружающую среду, восприятие пространства и времени, модифицируя формы и способы удовлетворения базовых чело-

веческих потребностей, военные действия непосредственно сказываются на процессах познания и коммуникации. Концептуальные схемы понимания и репрезентации событий претерпевают изменения – от едва заметных до радикальных. Вместе с ними меняются и *когнитивные ориентации*, а именно относительно стабильные совокупности смыслов, определяющих человеческое поведение, в том числе языковое.

Новые языковые факты, связанные с полномасштабной агрессией Российской Федерации против Украины, а также способы и формы дискурсивного представления российско-украинской войны как в Украине, так и в других странах, например, в Польше (Masłowska 2025), дают возможность обратиться к традиционной проблеме связи языка и культуры и рассмотреть ее с точки зрения динамики когнитивных ориентаций в сообществах, затронутых войной, чтобы далее на этой основе исследовать потребности лексикографической фиксации лингвокультурных данных в этнолингвистических словарях.

В традиционной дихотомии словарей – энциклопедических, представляющих знания о мире, и собственно лингвистических, фиксирующих знания о языке, – этнолингвистическая лексикография тяготеет к первому типу. **Проблема** состоит в том, чтобы определить, с какими именно знаниями о мире имеют дело словари этнолингвистического типа, а также выяснить функцию и роль собственно языковых данных для созданных в рамках когнитивной парадигмы словарей (Bartmiński 2020).

Когнитивный подход включает энциклопедическую информацию в область семантического описания, что позволяет по-новому осмыслить практику концептуальных словарей-тезаурусов, опирающихся на экстралингвистические схемы категоризации мира для представления этих схем в виде когнитивных лингвистических репрезентаций. В ходе нашего исследования мы учитывали тот факт, что жесткое противопоставление семантики и прагматики оказывается нерелевантным для лингвокогнитивного подхода, ориентированного на узус и позволяющего объединять в рамках единого описания семантические и прагматические аспекты этнокультурной динамики.

Теория и методы. В статье рассмотрены вопросы словарного представления этнолингвистических данных в условиях слома общественных когнитивных ориентаций в контексте войны. В качестве основной лексикографической модели был выбран *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* (LASIS) как наиболее полно отражающий языковой образ мира в национальных культурах славянских и неславян-

ских народов и вместе с тем содержащий четкие принципы описания материала.

Эмпирической основой исследования послужили факты украинского языка и культуры периода полномасштабной российской агрессии против Украины, взятые из авторской подборки собранных на протяжении 2015–2025 гг. примеров языковых выражений и текстов на тему российско-украинской войны (объем $\approx 10\,000$ единиц). Фактические данные были осмыслены и систематизированы в процессе длительного включенного наблюдения и участия (*participant observation*) в повседневной жизни украинцев, живущих за линией фронта и при этом непосредственно переживающих последствия военных действий со стороны РФ, преступно направленных против гражданского населения. Такая „внутренняя” исследовательская позиция позволила не просто изучать языковое поведение, фиксируя текущие, происходящие „здесь и сейчас” изменения, но также обеспечила доступ к мотивациям и интенциям говорящих.

Согласно методике, представленной в LASIS, для анализа были использованы системные данные толковых и этимологических словарей, данные репрезентативного *Генерального регионального аннотированного корпуса украинского языка* (ГРАК), результаты анкетирования студентов, проведенного в ноябре – декабре 2024 г. в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко и в Национальном университете „Киево-Могилянская академия”, а также примеры из медиа и социальных сетей (*Facebook* и *Instagram*), которые приобретают все большую значимость в исследованиях коммуникации и языковой деятельности. Обработанные данные содержат совокупность повторяющихся тем и базовых нарративов, которые регулярно воспроизводятся в широком спектре дискурсивных практик – от официальных заявлений политических лидеров до неформального бытового общения.

В работе использованы качественные методы анализа материала, включая приемы включенного наблюдения, критического анализа дискурса, теории речевых актов, теории концептуальной метафоры, идеи анализа стратегических нарративов.

Структура статьи. Статья состоит из вводной части и пяти подразделов. В вводной части речь идет о *теории когнитивных ориентаций* и возможностях ее расширения на область этнолингвистики; она завершается формулировкой исследовательских вопросов. Далее следует ряд подразделов о воздействии войны как общего социально-исторического контекста на аксиологические понятия, существенные для этнолингвистической лексикографии. Это (1) динамика речевого этикета с акцен-

том на *достоинстве* и *эмпатии* коммуникантов; (2) реализация идеи *солидарности* всего живого с топомосом *утраты дома*; (3) изменение восприятия *пространства* и *времени* (новый хронотоп); (4) особенности *когнитивной метафоризации* военной реальности через соотношение буквального и фигурального (*земля, пропитанная кровью*) и, наконец, (5) модификация представлений о *толерантности* (категоризация *врага*). В заключении содержатся общие выводы и обозначены возможности дальнейших исследований.

Когнитивные ориентации: от психологии к этнолингвистике

В качестве базового в статье использовано понятие „когнитивные ориентации”, которое отсылает к структурированному набору смыслов (мнений, убеждений, верований), лежащих в основе культурно обусловленных типов поведения тех или иных сообществ и/или индивидов. Данное понятие, заимствованное из психологии (Kreitler, Kreitler 1972; Landry, Allard 1992), концептуализирует защитные механизмы как когнитивные стратегии разрешения внутренних конфликтов и в этой связи исследует факторы, определяющие человеческое поведение, и смыслообразующие намерения, лежащие в его основе.

В рамках теории когнитивных ориентаций принято выделять четыре типа убеждений (*beliefs*), соотносимых с переменными когнитивного содержания: (1) убеждения субъекта о себе (о собственных чертах, привычках, особенностях); (2) общие убеждения (об окружающей реальности, других людях и мироустройстве); (3) убеждения относительно норм и правил (этических и функциональных стандартов, обязательных к соблюдению); (4) убеждения, касающиеся целей и желаний (о желательных и нежелательных ситуациях, объектах и свойствах). Данные кластеры соотнесены с поведением людей и описывают так называемые „мотивационные диспозиции”, лежащие в основе когнитивных актов. Таким образом, решающим фактором, определяющим поведение человека, является его понимание смысла ситуации, а не сама ситуация.

Эта трактовка допускает, на наш взгляд, дальнейшее расширенное понимание когнитивных ориентаций как установок мышления, распространяемых, в частности, на область *общих знаний* (*common knowledge*) о мире. Внимание к глубинным смыслам, вокруг которых формируются мотивационные кластеры, а также их ощутимая связь с прагматически обусловленной и аксиологически заряженной категоризацией действительности (*субъект, внешний мир, нормы и правила, цели и интенции*),

создают возможность непосредственного выхода из области психологии в сферу когнитивной этнолингвистики. В соответствии с этим в статье предлагается модификация термина „когнитивные ориентации”, который рассматривается здесь как отсылающий к общему для носителей языка и культуры фонду знаний, представленному в виде набора культурных презумпций, объединяющих сообщество и носящих неявный характер.

Что происходит с этим объединяющим набором когнитивных ориентаций во время войны? И как это влияет на этнокультурную динамику, требующую фиксации в словарях типа LASiS? Именно на эти вопросы мы стремимся найти ответы в данной статье, пусть пока и в первом приближении.

Речевой этикет во время войны, или Как *добрый день* становится *недобрым*

Формулы речевого этикета являются обязательными и наиболее очевидными компонентами общего фонда лингвокультурных знаний. Они непосредственно связаны с когнитивными ориентациями, с поведением, устанавливающим контакт между участниками общения. Кроме того, эти формулы предельно стереотипны, и любая их вариативность обусловлена только четко определенными социокультурными факторами (социальные роли, формальная/неформальная обстановка и под.). Масштабные исторические события, такие как революции, радикально изменяющие структуру общественных отношений, влияют также на этикет, реагирующий на подобные социальные изменения. Система обращений в данном случае особенно чувствительна, как свидетельствуют широко известные примеры времен Французской революции и Октябрьского переворота в России, во многом сознательно копирующей в этом отношении французские образцы (франц. *citoyen*, русск. *гражданин*).

Можно предположить, что крупные события, в частности войны, также влияют на речевой этикет, хотя и менее очевидным образом. Формы вежливости в контексте войны, в контексте интенсивного вооруженного конфликта, воспринимаются в отношении врага как ирония и парадокс, а в международном дипломатическом общении – как средство „сохранить лицо” военному противнику, а именно не допустить его открытого унижения из опасения сделать врага более агрессивным. Так, во время российско-украинской войны призывы „сохранить

лицо Путину” неоднократно звучали со стороны западных лидеров, опасаящихся его непредсказуемых действий, в частности, возможности применения Россией ядерного оружия. Подобные попытки в том или ином виде повторяются на протяжении всей текущей войны. Западные дипломатические нормы и понятия, в данном случае приписываемое лидеру РФ желание „сохранить лицо”, по-видимому, не во всём совпадают с нормами и правилами агрессора и его пониманием смысла данного термина.

Понятие „лицо” (англ. *face*) в социологии связано с концептами „стыда” и „чести”, оно же, в качестве универсального принципа коммуникативного взаимодействия, было использовано в теории вежливости Пенелопы Браун – Стивена Левинсона (Brown, Levinson 1978, 1988). „Лицо” в данном случае указывает на эмоциональную заинтересованность коммуникантов, постоянно присутствующую в процессе интеракции. В этом контексте лицо может быть потеряно или сохранено (сравн. выражения *потерять лицо*, *сохранить лицо*). Разрабатывая теорию позитивной и негативной вежливости, Браун и Левинсон также предположили, что „лицо” может относиться к двум фундаментальным желаниям человека – положительному, требующему одобрения со стороны других, и отрицательному, требующему, чтобы его действия или мысли не вызвали возражений со стороны других. Таким образом, в рамках подхода к вежливости на основе принципа „сохранения лица” желания участников интеракции, направленные на одобрение и отсутствие возражений окружающих, имеют большее значение, чем само взаимодействие. Для авторитарного лидера, действующего без оглядки на отношение населения, и для лидеров демократических стран, зависящих от мнения избирателей, этот общий принцип имеет различное смысловое наполнение.

В целом универсальная трактовка понятия „лица”, сближающая его с категориями чести, репутации и достоинства, коррелирует с аксиологическим концептом HONOR, который составляет основу славянского и европейского канона ценностей и на материале славянских и других языков подробно рассматривается в пятом томе проекта LASiS (2017: 15). Задуманный и в значительной степени реализованный его инициатором, проф. Ежи Бартминским, этот продолжающийся проект открывает широкое поле для понимания этнокультурной специфики различных аксиологических концептов.

Именно компаративная направленность в сочетании с интересом к языковой специфике отличает этнолингвистический подход Люблинской школы от универсальной теории вежливости, при этом сам подход

не противоречит ее базовым принципам. В совокупности это создает теоретическую основу для описания динамики этикета, наблюдаемой в условиях войны.

В отличие от проблематики речевого этикета в период революций, вопрос о функционировании формул вежливости в условиях войн ранее практически не вызывал интереса исследователей. При этом украинские данные последних лет, по нашим наблюдениям, демонстрируют ряд неочевидных изменений в сфере этикетных приветствий и прощаний, использующихся в формальном и повседневном (нейтральном) регистрах.

Новые жизненные реалии после 24 февраля 2022 г. (даты полномасштабного российского вторжения в Украину) обрекают мирных жителей на существование в условиях постоянных массированных обстрелов, осуществляемых с помощью разнообразных боевых средств: беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и разного вида ракет, обладающих мощной разрушительной силой. Наибольшее впечатление на людей производят звуки, которыми обстрелы, преимущественно ночные, сопровождаются. Звуковая составляющая восприятия настолько сильна, что это дает основания исследователям говорить о специфичном виде насилия против гражданского населения – „звуковой (акустический) террор” (Роль OSINT-досліджень... 2025).

На вербальном уровне обстрелы описываются в первую очередь с помощью предикатов, передающих звуки взрывов, в основном производных от звукоподражательного междометия *бах!* и разговорного существительного мн.ч. *бахи* ‘взрывы’:

Щось на вулиці відбувається, бахи якісь чутно, – каже містянин. („Что-то на улице происходит, бахи какие-то слышны”, – говорит горожанин)¹.

Звукоподражательный глагол *бахкати* ‘громко стрелять, взрываться’, отглагольное существительное *бахання* регулярно употребляются в разговорах на темы обстрелов. Сюда относится также наречие *гучно* от прилагательного *гучний* ‘громкий, звучный, слышный издалека’ (СУМ – 11, т. 2: 200), оппозиит – *тихий*.

Наречие *гучно* в сочетании с глаголом *було* ‘было’ в настоящее время приобрело дополнительное значение обобщающей характеристики для ситуации сильного обстрела:

Гучно було і в місті Костянтинівка, де росіяни пошкодили щонайменше 5 приватних будинків (Громко было в городе Константиновка, где россияне нанесли повреждения по меньшей мере пяти частным домам) (ГРАК, пример 2023 года).

¹ Реплика жителя Северодонецка про обстрел <https://sd.ua/news/22421>

В контексте разговоров и чатов (обмена репликами в мессенджерах) сочетание употребляется для передачи впечатлений о недавней ситуации обстрела, без характерных для звуковых предикатов указаний на такие обстоятельства, как источник звука, место, время и под., за исключением действительских местоименных групп *у вас*, *у нас*, указывающих на местопребывание собеседника во время обстрела. Выражение *було гучно*, вариант *у нас було гучно*, или вопрос: *Гучно було?* объединяет в своем значении указание на силу звука (громкость) и на интенсивность обстрела, сопровождаясь негативными коннотациями от пережитого.

Гучно було? – это не вопрос о громкости взрывов. Контекстуальным синонимом к нему могло бы быть утверждение о ситуации пережитой собеседниками смертельной опасности. В социопрагматическом измерении речь идет о подтверждении контакта между говорящими, а вопрос выполняет фатическую функцию, такую же, как в приветствиях и пожеланиях. В теоретическом плане данный пример подтверждает предположение Марины Теркурафи (Terkouafi 2015) о том, что любое высказывание может быть конвенционализировано и адаптировано говорящими к широкому спектру часто встречающихся ситуаций, становясь средством выражения вежливости.

Именно российские обстрелы и сопровождающее их звуковое насилие приводит к тому, что обычные пожелания доброй ночи на прощание (*добраніч*, *надобраніч*) в Украине теперь часто заменяют пожеланиями тихой ночи (*тихої ночі*), реже – мирной ночи (*мирної ночі*). В этих новых формулах речь идет не просто о тишине как таковой, и не о мире в значении ‘отсутствие войны’, а о пожелании ночи без обстрелов.

Особое внимание обращает на себя тенденция к замене в этикетной формуле слова *добрий* в смысле ‘хороший’ на *тихий* (‘тихий’). Такая же замена наблюдается и в приветствии, соответствующему русск. *добрый день*. Наутро после массированных обстрелов и сообщений о разрушениях и пострадавших в ответ на приветствие-пожелание доброго утра, дня (*добрий ранок*, *добрий день*) можно получить в ответ не выражение, положенное по этикету, а возражение наподобие *який же він добрий?* ‘какой же он добрый?’.

Пользователь FB *Alona Holiakova* на своей странице² и на страничке в Instagram³ 30 августа 2025 пишет:

Чи з'явилися вже нові норми комунікації, коли зустрічаєш сусідів о 4-й ранку під час нічного обстрілу? Як правильно вітатися в під'їзді, дворі чи сховищі, коли у ваш будинок

² <https://www.facebook.com/alyona.holiakova>

³ https://www.instagram.com/p/DN_KHQuCpIS/

прилетів шахед? „Доброго ранку” звучить недоречно, бо який він, до біса, „добрий”? Просто кивати – недостатньо для емоційного контакту в такий важкий час. „Вітаю” – цього канцеляризму й на роботі вистачає. Мені здається, нам потрібне нове, особливе привітання, сповнене підтримки, єдності, співчуття та людяності – саме для цього непростого часу, принаймні мені його дуже не вистачало тієї ночі.

[Появились ли уже новые формы коммуникации, когда встречаешь соседей в 4 утра во время ночного обстрела? Как правильно здороваться в подъезде, дворе или в убежище, когда в ваш дом прилетел шахед? „Доброе утро” звучит неуместно, потому что какое оно, к черту, «доброе»? Просто кивать – недостаточно для эмоционального контакта. „Приветствую” – этого канцеляризма и на работе хватает. Мне кажется, нам требуется новое, особенное приветствие, наполненное поддержкой, единством, сочувствием и человечностью – именно для данного непростого времени, во всяком случае мне его очень не хватало в ту ночь).

Еще один пример из записи в социальной сети Фейсбук: глава Представительства Украины в НАТО Альона Гетьманчук (Aliona Getmanchuk) 28 августа 2025 г. после интенсивного ночного обстрела с разрушениями, ранеными и погибшими пишет на своей странице⁴:

Дуже важлива зустріч сьогодні з послом США в НАТО Меттом Вітакером. Після страшної ночі у Києві. Розповіла про специфічне вітання, яке ми практикуємо в такі ранки – „не доброго ранку”. Мала можливість поінформувати про наше бачення того, яким чином швидше зупинити вбивства і наблизити реальне завершення війни.

[Очень важная встреча сегодня с послом США в НАТО Мэттом Витакером. После страшной ночи в Киеве. Рассказала о специфическом приветствии, которое мы практикуем в такие утра – „не доброе утро”. Имела возможность проинформировать о нашем видении того, каким образом быстрее остановить убийства и приблизить реальное завершение войны].

Создается впечатление, что называть отрезки времени „хорошими” даже в устойчивых, казалось бы, окончательно десемантизированных формулах вежливости во время войны представляется неверным, неправильным. В контексте военных действий избегание слова *добрий* в сочетании с существительными *день, вечір, ніч* указывает на реактуализацию в стереотипных формулах вежливости исходной полнозначной позитивной семантики, вступающей в противоречие с негативными событиями действительности.

Нарушается автоматизм восприятия ритуализованных формул вежливости, а употребление *добрий* в них, по сути, табуируется. Иногда пожелание *тихой ночи* употребляется после *доброй ночи* как своеобразное уточнение-пояснение в рамках одной реплики, с повтором – *Добраніч! Тихої ночі!* (ведь добрая ночь – она же тихая, без обстрелов). Такие случайно выбранные из соцсетей примеры подтверждают одновременно

⁴ <https://www.facebook.com/share/1BHSdSdiTU/>

как факт утраты автоматизма и оживления внутренней формы пожелания, так и то, что процесс изменения не завершен – прежние формулы окончательно не уступили места новым и употребляются наряду с ними.

Параллельно формулам с компонентом ‘добрый’ трансформируется и/или табуируется получившая широкое распространение прощальная формула-пожелание *гарного дня!* (‘хорошего дня’), заимствованная из английского *have a nice day*. Вместо нее отмечается новый вариант *тихого дня!* (имеется в виду пожелание дня без воздушных тревог), или другие, обычные, формы прощания (*до побачення, до зв’язку* и т.п.). Таким образом, термины теории вежливости и другие понятия из сферы описания коммуникативного взаимодействия и социально обусловленной вариативности применимы к исследованию новых этикетных формул, связанных с войной. Социальный и культурно-антропологический контекст выступает как фактор языковых изменений, наблюдаемых в режиме реального времени, и предоставляет релевантную информацию для этнолингвистического словарного описания.

Солидарность всего живого на фоне экоцида и ностальгии

Позитивная *vs.* негативная оценка культурных связей в терминах прошлого/будущего является одной из ключевых социальных презумпций. Во время войны выбор между ориентацией на гармоничную традицию или на пугающее апокалиптическое будущее приобретает новые черты. В условиях, когда война разрушает материальное и концептуальное прошлое и резко ограничивает планируемое будущее, позитивная и негативная ориентации оказываются в равной степени значимыми. Кроме того, к физическому и ментальному (воображаемому) добавляется ныне еще одно измерение, цифровое, что усложняет общую картину.

Используя предложенное проф. Бартминским разграничение культур на народную и национальную (Bartmiński 2016), мы можем наблюдать, как позитивный идеал солидарности, присущий традиционной народной культуре, в условиях войны масштабируется в Украине до национального уровня, ярким проявлением чего стало беспрецедентное волонтерское движение как воплощение взаимопомощи и взаимной поддержки.

Относительными в условиях войны оказываются и когнитивные ориентации на идеалы прошлого и будущего, способные меняться местами в поле интерпретаций. Показателен пример с подрывом 6 июня

2023 г. российскими военными дамбы Каховской ГЭС, повлекший катастрофические физические и экономические последствия для людей и для экологии. Однако на уровне дискурсивного осмысления этой трагедии возник нарратив восстановления в Украине исторического Великого Луга, то есть возвращения – ныне и в будущем – к гармоничному идеалу прошлого. Великий Луг – историческая местность в нижнем течении Днепра, изобиловавшая плавнями, поросшими лесом, лугами, озерами и протоками. В XVI-XVIII вв. он был важным регионом Запорожской Сечи, местом, где казаки находили пристанище и пасли скот. В 1950-х гг. эта территория была затоплена водохранилищем, но после подрыва российскими войсками Каховской ГЭС вода сошла, обнажив историческое дно.

Подрыв дамбы Каховской ГЭС, осуществленный с военными целями, что запрещено международным правом, специалисты по экологическому праву (например, британский юрист Филип Сендс) считают экоцидом. Масштабы гибели живых существ в зоне затопления, а также опреснения и загрязнения Черного моря не имеют аналогов в истории Украины.

Сейчас же, по прошествии двух лет, исследователи констатируют, что на этой территории вновь растут леса, есть плавни, лиманы и острова. Великий Луг частично восстанавливает свое первоначальное состояние. Как отмечал в 2024 г. эксперт Украинской природоохранной группы, младший научный сотрудник Института зоологии им. И.Шмальгаузена НАН Украины Григорий Коломицев⁵,

За відсутності штучного регулювання рівня води, сьогодні ми можемо спостерігати на території колишнього Каховського водосховища ті самі процеси, що відбуваються на природних, незарегульованих людиною заплавах річок. Весняні водопілля відбувалися на цих землях ще до побудови ГЕС тисячі років.

[При отсутствии искусственного регулирования уровня воды, сегодня мы можем наблюдать на территории бывшего Каховского водохранилища те же процессы, что происходят на естественных, незарегулированных человеком поймах рек. Весенние наводнения происходили на этих землях еще до постройки ГЭС, тысячи лет.]

По состоянию на 2025 г. исследователи утверждают это еще более уверенно, отмечая рост количества видов растений и то, что к новой окружающей среде уже приспосабливаются животные и птицы:

[...] адже це як велика природна лабораторія, яка буде давати знання людству про те, як відроджуються екосистеми наново. Швидше за все, тут відродиться плавневий ліс зі своїм великим біорізноманіттям.

⁵ https://texty.org.ua/fragments/111993/kahovske-vodoshovyshe-znovu-napovnyuyetsyavodoyu/?fbclid=IwAR1ELuGJ3q0uiufw8rwWaY1pNnSFyPa1Rch6fjgdYvCOyAd_-8JQSsqHi94 13.03.2024

[... ведь это как большая природная лаборатория, которая будет давать человечеству знания о том, как возрождаются экосистемы заново. Скорее всего, здесь возродится пойменный лес со своим значительным биоразнообразием],

– говорит биолог Павло Олійник⁶.

И все же война – это прежде всего гибель живых существ. Как отмечает в своем интервью *Живі світи і руйнація довкілля* (*Живые миры и разрушение окружающей среды*) Дарья Цимбалюк⁷:

Репортажі з Херсону та інших затоплених територій після підриву Каховської дамби показали наскільки наші світи населені не лише людьми, і як для нас важливі курочки, кози, коти, їжачки та інші істоти. Мені б дуже хотілося сподіватися, що через болісне проживання цього досвіду ми глибше замислимося над ставленням до тварин, рослин та екосистем загалом. І при цьому в мене нема романтизації стосовно того, що цей злам станеться швидко і легко. Багато в чому я бачу свою роботу як дослідниці якраз у порушенні цих питань.

[Репортажи из Херсона и других затопленных территорий после подрыва Каховской дамбы показали, насколько наши миры населены не только людьми, и как для нас важны курочки, козы, коты, ежики и другие существа. Мне бы очень хотелось надеяться, что через болезненное переживание этого опыта мы глубже задумаемся над отношением к животным, растениям и экосистемам в целом. И при этом у меня нет романтизации относительно того, что этот перелом произойдет быстро и легко. Много в чем вижу свою работу как исследовательницы как раз в том, чтоб затронуть эти вопросы.]

Роботая над книгою *Ecocide in Ukraine: The Environmental Cost of Russia's War*, недавно випущеною британським видавцтвом *Polity*, Цимбалюк вияснила, що для людей, личні історії котрих вона записувала, тема екоцида оказалась тесно связанной с темой утраты дома.

Заметим, что эта связь обусловлена этимологически: элемент *екоцид* восходит к греч. *οικος* “дом, жилище, место обитания” (от и.-е. корня **weik-* (1) ‘род’). Он заимствован из термина *екологія* (нем. *Ökologie*, предложенного в 1873 г. Эрнстом Геккелем (Ernst Haeckel), а формант *-цид* происходит от лат. *-cidium* (‘убивать’, по модели слова *геноцид*). Таким образом, внутренняя форма слова *екоцид* заявляет о насильственном отрыве от места обитания, об утрате дома. И о болезненном переживании этого драматичного поворотного момента.

Отголоски этой боли регулярно встречаются в украинском дискурсе войны. Например, журналистка из Одессы Зоя Казанжи⁸ цитирует

⁶ <https://suspilne.media/zaporizhzhia/1053911-dva-roki-tomu-tut-bula-voda-a-zaraz-gustij-verbovij-lis-ak-vidnovluetsa-velikij-lug-pisla-pidrivu-kahovskoi-ges/>

⁷ <https://suspilne.media/culture/1107946-cina-vijni-akij-vpliv-na-ekologiu-ta-comu-vazlivo-dumati-pro-ripak-intervu-z-darceu-cimbaluk/>

⁸ <https://www.facebook.com/share/p/1YzZaZYxzz/> (запись от 18.09.2025)

высказывания женщин, вынужденных оставить свои дома, переживших эвакуацию и вспоминающих моменты сборов, отъезда и жизни вне дома: мучительный выбор самого необходимого (фотографии, кошки, собаки, кухонная и садовая утварь), тоска по оставленным садам (плющ, лилии, глицинии, кусты роз). Это только несколько повторяющихся мотивов при описании боли от утраты дома наряду с темой плача и слез во время сборов:

Мій дім в окупації, лівий берег Херсона, все розбито і затоплено, мій сад, виноград, і качелі, і шезлонги... все залишилось... нічого нема. Дякувати Богу, ми живі.

[Мой дом в оккупации, левый берег Херсона, все разбито и затоплено, мой сад, виноград, и качели, и шезлонги... все осталось... ничего нет. Слава Богу, мы живы.]

Тема сада и цветов, как и самого дома, остается в воспоминаниях:

А в мене вдома, мабуть, гліцинія вже розрослася. А, можливо, і дому вже немає. Не знаю нічого. Так хочеться додому.

[А у меня дома, наверное, глициния уже разрослась. А, может, и дома уже нет. Не знаю ничего. Так хочется домой.]

Встречаются и сожаления о нереализованном желании уничтожить остающийся дом, чтобы он не достался оккупантам. И тема общей переоценки ценностей:

Вивезли документи, собак і електросмокат, щоб його продати, бо грошей не було. Шкодує про те, що не спалила хату і не забрала дику кицьку, яку підгодовували. Все інше виявилося малим і нікчемним.

[Вывезли документы, собак и электросмокат, чтоб его продать, потому что денег не было. Жалею, что не сожгла дом и не забрала дику кошку, которую подкармливали. Все остальное оказалось незначительным и никчемным.]

А у мене не було можливості щось брати, з сумочкою вийшла з двору ... 1222 дні тому назад.

[А у меня не было возможности что-то брать, с сумочкой вышла со двора ... 1222 дня тому назад.]

В последнем примере обращает на себя внимание способ подсчета времени от момента утраты дома (в днях). Это подчеркивает уникальность события и частично коррелирует с практикой некоторых украинских медиа вести отсчет войны (например, *1307-й день війни* (22.09.2025, интернет-ресурс *Збруч*)), а также с аналогичными примерами из личных историй (см. следующий подраздел о хронотопе).

Образ утраченного дома, уничтоженного российскими управляемыми авиабомбами (украинская аббревиатура от *керовані авіабомби* – *каб*, тв. пад. мн. ч. *кабами*) и оставшегося лишь в памяти, наиболее ярко представляет фото на заставке телефона у одной из делящихся воспоминаниями женщин:

Я теж так збирала речі, ридала і збирала ... Забрала все, а через два місяці будинок і двір був знищений трьома кабами одночасно. Тепер мій дім у мене є лише на заставці телефону.

[Я тоже так собирала вещи, рыдала и собирала ... Забрала все, а через два месяца дом и двор были уничтожены тремя кабами одновременно. Теперь мой дом у меня есть только на заставке телефона.]

Цифровая копия на месте физической реальности и память о потере – это все, что осталось эвакуированной жительнице Украины. То, с чем теперь приходится существовать.

Данные примеры иллюстрируют то, что можно обозначить как топос 'утраты дома' в условиях войны, включающий множество семантических ответвлений, начиная от *ностальгии* как болезненной тоски по дому и прошлому и заканчивая солидарностью с животными и растениями как неотъемлемыми составляющими аксиологического понятия ДОМ.

Время и пространство: новый хронотоп

Война нарушает порядок в существовании людей, животных, растений, природных экосистем и культурных артефактов. Все измерения экзистенции уязвимы для войны. Она разрушает окружающую среду и, среди прочего, модифицирует восприятие людьми пространства и времени (Яворська, Чмир 2018), формируя новый хронотоп.

С 24 февраля 2022 г. – даты начала полномасштабного вторжения РФ – в Украине фиксируются новые способы отсчета времени. В публичном и медийном пространстве время начинает измеряться неделями (как в виртуальной студии *NISS WARCast*) или количеством дней, прошедших с этой даты (например, ежедневная хроника войны интернет-издания «Збруч»). На индивидуальном уровне трансформации подвергается исчисление возраста детей: так, жизнь рожденных во время полномасштабной войны младенцев родители могут считать в днях, а не в месяцах, как это принято для детей в возрасте до одного года. Кроме того, встречается практика продления ежемесячных празднований и после того, как ребенку исполняется год (например, вручение подарков девочке при достижении ею возраста 15 месяцев).

Принцип исчисления дат в днях иногда в шутливой форме переносится и на сферы, внешне совершенно не связанные с войной. Так, один из пользователей опубликовал в социальной сети пост, посвященный годовщине свадьбы, со следующей подписью: *6576 днів у шлюбі!* (6576 дней в браке!). Традиционное для исчисления стажа семейной жизни количество лет (в данном случае 18) при этом так и осталось

неназванным. Мотивы столь нетипичного подсчета автор не уточнил, однако я предполагаю здесь прямое влияние „военной” модели отсчета времени, воспроизводимой в медийных источниках.

Пространство в городе Киеве сейчас также маркируется по-другому – оценка происходит не на основании престижности районов, как в довоенное время, а в зависимости от уязвимости места проживания для вражеских обстрелов. Близость к постоянно обстреливаемым противником локациям воспринимается как фактор риска. Расстояние до подземных станций метро, которые во время обстрелов используются как укрытия, оценивается не только с точки зрения удобства инфраструктуры, но и как возможность быстро добраться до защищенного места.

Кроме того, в условиях войны меняются формы и способы удовлетворения базовых человеческих потребностей – физиологических, эмоциональных, социальных. Речь идет не только о военных на линии фронта, но и о мирных жителях в городах. Например, потребность в сне – по вечерам жители Киева размышляют, удастся ли этой ночью выспаться. Или снова помешает ночной обстрел? Популярный блогер и публичный интеллектуал Алексей Панич (Олексій Панич) в посте на ФБ⁹ сравнивает ощущения жителей Киева при обстрелах:

з грою в кісточки з долею: радше за все, вдається заснути й поспати, а як ні, то вже як Бог дасть [с игрой в кости с судьбой: скорее всего удастся заснуть и поспать, а если нет, то уж как Бог даст.]

С увеличением количества обстрелов зимой 2026 г. вероятность выспаться уменьшается. Теперь поспать ночью можно не *скорее всего*, а буквально *если повезет* и ночь будет *тихой*. Или просто – *если будет тихо*.

Как пишет украинская поэтесса Марина Пономаренко, обращаясь к себе двадцатилетней и сравнивая с прошлым нынешние реалии:

Що би ви сказали собі 20-річній?

У Києві уже кілька тижнів відносно тихо, – сказала би я. –

Не питай, у якому сенсі – „тихо”,

Виростеш – усе зрозумієш

[Что бы вы сказали себе 20-летней?

В Киеве уже несколько недель относительно тихо, – сказала бы я. –

Не спрашивай, в каком смысле – „тихо”,

*Вырастешь – все поймешь.]*¹⁰

⁹ <https://www.facebook.com/oleksiy.panych> 8.06.2025

¹⁰ <https://www.facebook.com/share/p/18A35kBMA2/>

Зимний холод с температурой -20°C и прицельное разрушение российскими обстрелами городских теплоцентралей добавляет отсутствие тепла в перечень неудовлетворенных базовых человеческих потребностей, сказываясь и на маркировании городского пространства. В феврале 2026 г. цены на аренду жилья на Левом берегу Киева в районах, наиболее пострадавших от разрушения тепловых сетей, заметно снизились по сравнению с районами, где обеспечивается теплоснабжение.

Как выясняется, пребывание в убежищах во время обстрелов создает, несмотря на физические неудобства, новые социальные пространства близости и чувства сплоченности. Аналогичный эффект наблюдается и в отношении других массовых мероприятий, в частности театральных спектаклей и концертов. Они по-прежнему собирают полные залы, несмотря на то что при объявлении воздушной тревоги выступления прерываются, а зрители вместе с артистами вынуждены спускаться в укрытие. Известный украинский театральный художник Сашко Белозуб (Сашко Білозуб)¹¹ недавно предположил, что нынешний театральный бум в Киеве, когда билеты на спектакли распроданы на полгода вперед, вызван не только ростом качества театральной продукции, но и желанием быть в ситуации опасности вместе с другими людьми. Вместе преодолевать тревогу легче и в прямом, и в переносном смысле.

Опыт войны настолько не похож на опыт мирной жизни, что иногда побуждает украинцев говорить о невозможности понимания между теми, кто этот опыт непосредственно переживает, и теми, кто находится за пределами досягаемости российских дронов и ракетного баллистического оружия. В то же время жители Киева и других городов продолжают, несмотря на обстрелы, выполнять свои каждодневные обязанности и воспринимают это как проявление сопротивления врагу и его намерениям подчинить Украину. Например, на следующий день после массированного ночного обстрела в начале июня 2025 г. киевлянка публикует в соцсети свои фото с видами Днестра и пишет¹²:

Мій Київ сьогодні. Немовби не було цієї ночі, задимленого міста, неможливості дихати... Місто просто вмилося, вичистилося, струсило з себе залишки руЗкої¹³ нечисті... І липа зацвіла! І хмари які!

[Мой Киев сегодня! Вроде и не было этой ночи, задымленного города, невозможности дышать... Город просто умылся, вычистился, стряхнул с себя остатки руЗкой нечисти... И липа зацвела! И облака какие!]

¹¹ <https://www.facebook.com/watch/?v=1191075995648928&rdid=laT16IJXqzewM39Z>

¹² <https://www.facebook.com/lilia.sakalova1>

¹³ Написание автором поста слова *русский* через **Z** отражает новую практику борьбы с цензурой в ФБ и одновременно содержит сарказм по отношению к т.н. „зетникам“, использующим в России букву **Z** как символ патриотизма.

Приподнятая эмоциональная тональность, очевидно, отражает чувство облегчения после только что пережитой смертельной опасности.

Подобных сообщений с упоминаниями города и его красоты в контексте впечатлений от ночных пожаров и разрушений на следующий день после массированных обстрелов в июне 2025 г. в социальных сетях было много. Выражение *мій Київ* с притяжательным местоимением 1-го лица, актуализирующим семантику обладания, выбрано не случайно: эта конструкция создает контрастивный фон для намерений России захватить (подчинить) Киев и подчеркивает несостоятельность этих попыток. А новый украинский мем зимы 2026 г. звучит так: *у Києві здаються тільки квартири (в Києве сдаются только квартиры)*, и, обыгрывая омонимию глагола *здавати(ся)* ('сдавать жилье (в аренду)' и 'признать себя побежденным'), отрицает готовность капитулировать перед врагом.

Особенности метафоризации во время войны (*земля, пропитанная кровью*)

Война как особый социальный контекст ожидаемо воздействует на процессы концептуализации. Одним из нетривиальных примеров такого влияния оказываются когнитивные метафоры. В теории концептуальной метафоры принят общий тезис о конкретных значениях как источнике для формирования абстрактных, а буквальные, или прямые, значения рассматриваются как основа для фигуральных. В последнее время предприняты попытки пересмотреть в когнитивной метафоризации сферу буквального в сторону ее сужения (Kövecses 2020). Некоторые наши данные, напротив, дают основания выдвинуть другое предположение – влияние войны на „воплощенный опыт” вызывает движение в обратном направлении, в результате чего сужается сфера фигурального. Такой процесс можно обозначить как реактуализацию метафор – фигуральные *реки крови* и *горы трупов* в условиях войны превращаются в буквальные физические составляющие жизненной реальности и усиливают действенность архетипических символов.

Полемика в социальных сетях о допустимости использования метафор войны, в частности, со словом *фронт* (*экономический, культурный* и под.) показывает нарушение автоматизма их восприятия и употребления в речи (Яворська 2024а).

Для этнолингвистически релевантного исследования данных в контексте войны особого внимания требует фактор перспективы (точки

зрения). С ним связана возможность разных интерпретаций увиденного и эффект поляризации (Яворська 2024b).

Процесс видения, наряду со зрительным восприятием, включает в себя идентификацию объекта, находящегося в поле зрения, распознавание и категориальную оценку того, что (или кого) мы видим. Визуальное восприятие опирается на наши общие знания о мире, включая исходные предпосылки. Изменение последних способно влиять на изменения интерпретации объекта, при этом оптические стимулы могут оставаться теми же.

Одни и те же визуальные свидетельства и результаты экспертиз, которые украинские криминалисты и очевидцы обоснованно рассматривают как реальные последствия *зверств российских военных в Буче*, интерпретируются частью аудитории в РФ и за рубежом как „постановочные” — следствие ложной исходной установки, согласно которой *Россия ни на кого не нападала*.

Даже пребывание в конкретном пространстве реально совершенных в Украине военных преступлений не гарантирует восприятия увиденных фактов как настоящих. Недавнее заявление высокопоставленного американского чиновника об отказе посетить Бучу под предлогом того, что это якобы „пропагандистский тур”, сочетает в себе нежелание увидеть происходящее своими глазами с полным отрицанием реальности. И все это происходит на основе исходных ложных допущений, неверно определяющих природу конфликта. Защита от информации, конфликтующей со знаниями о мире у данного чиновника, происходит за счет отказа от неприемлемого для него смысла. Этот случай и другие аналогичные примеры ярко демонстрируют поляризацию, несовместимость в восприятии идентичных в пространстве и времени событий.

При этом сужение сферы фигурального в метафорических описаниях, выход на поверхность исходных буквальных смыслов и значений, парадоксальным образом усиливает эмоциональный и образный эффект. Например, в репортаже украинской службы BBC о последствиях российского обстрела гражданского населения в селе Гроза 5 октября 2023 г. (факт которого подтвержден ООН) – в результате этой атаки погибли 52 человека, в том числе дети, — место происшествия описывается следующим образом:

Сусідній ігровий майданчик, де було найбільше тіл, усякий гумовими рукавичками медичних бригад. На землі все ще видно плями крові.

[Соседняя игровая площадка, где было больше всего тел, усеяна резиновыми перчатками. На земле все еще видны пятна крови.]¹⁴

¹⁴ <https://www.bbc.com/ukrainian/articles/c874g2ym1z6o>.

Выражение *пятна крови на земле*, которое в репортаже употреблено в прямом, буквальном значении, одновременно отсылает к метафорическому образу земли, *пропитанной кровью*. В данном случае образ возникает на основе одного из значений существительного *земля* ‘місце життя і діяльності людей’ (СУМ – 11, т. 3: 557), (‘место жизни и деятельности людей’; оппози́т *небо*), тогда как в цитированном тексте репортажа речь идет о земле в более конкретном смысле как об участке земной поверхности (СУМ – 11, *ibid.*). При этом в обоих значениях слова *земля* в рассматриваемом примере представлена сема ‘место деятельности людей’ (деятельности как разрушителей-агрессоров, так и медиков и спасателей, то есть тех, кто пытался помочь). А семантика ‘впитанной землей крови’ полностью буквальна – наречное словосочетание со значением времени *все ще видно* ‘всё ещё, до сих пор видны’ и упоминание о работе медицинских бригад и следах их деятельности (резиновые перчатки), указывают, что кровь уже вытерта, а оставшиеся пятна к тому времени, как появились журналисты, впитались в почву, и именно потому они заметны, видны. Ассоциации с описанием сцены преступления также очевидны.

Можно полагать, что в данном случае мы имеем дело с эффектом двойной референции, соединяющим механизмы метафоры и метонимии: выражение *пятна крови* метонимически отсылает к конкретным убитым, взрослым и детям, и в то же время – метафорически – к образу земли, пропитанной кровью, соответственно, к мощному архаичному культурному символу. Соединение двух реальностей – физической и символической – усиливает образный эмоциональный эффект, независимый от объективно-нейтральных стилистических задач журналистов.

Парадоксы толерантности

Смена когнитивных ориентаций проявляется и на примере функционирования базовых аксиологических концептов, таких как ТОЛЕРАНТНОСТЬ. Проведенное нами исследование по модели, принятой в LASiS и разработанной в рамках проектов, связанных с EUROJOS, засвидетельствовало наличие освоенного представления о толерантности в украинском языке: употребление слова *толерантний* в значении ‘снисходительный, терпимый к чьим-то мыслям, взглядам, верованиям и т.д.’ у классиков украинской литературы Ивана Франко и Леси Украинки.

Слово *толерантність* в академическом толковом словаре украинского языка (СУМ – 11) подается с пометой *книжне*, т.е. стилистически

ограниченное. Там же зафиксированы и производные – существительное *толерантність*, глагол *толерувати* ‘проявлять толерантность, терпеть’, наречие *толерантно* (СУМ – 11, т. 10: 179). Однако к началу XXI в. украинские слова *толерантність*, *толерантний*, *толерувати* и стоящий за ними заимствованный концепт (восходящий к средневековому лат. *tolerans*, *-ntis* ‘выносливый, способный терпеть; несущий, поддерживающий’ через ст.-франц. *tollerance*, *tolerance* ‘терпимость’ и западноевропейские соответствия) получают широкое распространение, преимущественно в публицистических текстах.

Концепт ТОЛЕРАНТНОСТЬ является внутренне противоречивым. Как отмечал в свое время Карл Поппер в работе *The Open Society and Its Enemies* (*Открытое общество и его враги*) (первое издание – 1945):

*Неограниченная толерантность должна привести к исчезновению толерантности. Если мы распространим неограниченную терпимость даже на тех, кто нетерпим, если мы не будем готовы защищать толерантное общество от натиска нетерпимых, то толерантные будут уничтожены, а вместе с ними и терпимость*¹⁵.

Семантически понятие *толерантність* в украинском языке и культуре оформилось как ‘терпимость относительно проявлений религиозного, гендерного, расового и других видов разнообразия’. В Украине толерантность в 2016-2020 гг. измерялась социологическими опросами, причем уровень толерантности у молодого поколения украинцев оценивался как достаточно высокий¹⁶.

Однако начиная с 24 февраля 2022 г., с момента полномасштабного вторжения РФ, данные корпуса ГРАК свидетельствуют об осязаемом повороте в восприятии толерантности. Употребления показывают, что толерантность применима не во всех ситуациях и ее не стоит практиковать по отношению к врагам. В текстах 2022 г. официальные лица еще продолжают напоминать о том, что Украина – *толерантное европейское государство*, однако в неформальном регистре складывается другая картина. Например,

А бути толерантним – не означає пустити злодія в свій дім. Підступний і жорстокий ворог прийшов в наш дім.

[А быть толерантным – не означает пустить вора в свой дом. Коварный и жестокий враг пришел в наш дом.]

¹⁵ “Unlimited tolerance must lead to the disappearance of tolerance. If we extend unlimited tolerance even to those who are intolerant, if we are not prepared to defend a tolerant society against the onslaught of the intolerant, then the tolerant will be destroyed, and tolerance with them” (Popper 2013: 581) (Перевод с английского мой – Г.Я.).

¹⁶ <https://dif.org.ua/article/ukraintsi-stali-bilsh-tolerantnimi-y-aktivnishe-zakhishchayut-svoi-prava-rezultati-opituvannya>

Ще пару тижнів тому переважна більшість харків'ян зберігала цілком толерантне ставлення до північних сусідів <...> Але коли цей дивний сусід вривається до твоєї хати, по-дикунському безтямно руйнує надбане роками...

[Еще пару недель тому преобладающее большинство харьковчан сохраняло вполне толерантное отношение к северным соседям <...> Но когда этот сосед врывается в твой дом, по-дикарски истступленно разрушает приобретенное годами...] (ГРАК).

Толерантность представлена в данных примерах как норма, которая не работает в ситуации столкновения с военным противником.

Материалы анкетирования студентов киевских университетов, проведенного в ноябре – декабре 2024 г. (было собрано и обработано 120 анкет, респонденты отвечали письменно на один вопрос: „Что такое толерантность, по Вашему мнению?“)¹⁷, в целом подтверждают, что толерантность для респондентов – это ценность, норма отношения к другим людям. Они трактуют толерантность как уважение к людям с отличающимися взглядами и культурными привычками, пока их самовыражение не ограничивает свободу других.

Критическая оценка толерантности как „симулякра“, не отвечающего природе человека, встретила лишь у одного респондента, студента-биолога, однако скептическое отношение к идеалу разнообразия, принимаемого без ограничений, просматривается и в нескольких других анкетах, в той или иной мере отсылающих к „парадоксу Поппера“. В ответах несколько раз (5 на 120 анкет) фиксируется неприменимость требования толерантности к представителям России с аргументацией, частично коррелирующей с упомянутыми выше рассуждениями о природе человека и исключающей врагов из категории людей. Например: *вони не люди* (ж., 18) (*они не люди*). Подобная категоризация врага этимологически зафиксирована в праслав. **vorgъ* ‘изгнанник, отверженный’, возможно связанном с др.-исл. **vargr* ‘волк, злодей’, и далее ‘оборотень; черт’.

В ответах на вопрос анкеты „Что такое толерантность?“ описательные реакции, отрицающие требования толерантности к военному противнику, единичны, что свидетельствует о ее в целом социальной желательности (как идеальной нормы). При этом „типичная“ (встречающаяся на практике) толерантность не предполагает терпимости и уважения к врагу, который во время войны семантически и коммуникативно исключается из сферы „правильного Другого“.

¹⁷ Моя сердечная благодарность украинским коллегам – профессору Елене Снитко (Олена Снітко), профессору Ирине Смушинской (Ірина Смушинська), доценту Ярославе Федорив (Ярослава Федорів) – за помощь в проведении анкетирования. Без их дружеского участия осуществить данную часть исследования было бы невозможно.

Заклучение

Изменение когнитивных ориентаций украинского общества во время российско-украинской войны является одним из наиболее ярко выраженных и в целом предсказуемых результатов российской агрессии. При изменении условий повседневного существования под влиянием войны этого следовало ожидать. В то же время резкий слом когнитивных ориентаций порождает ряд нетривиальных последствий на уровне языка и культуры, как в области семантики, так и лингвопрагматики. Такие последствия, отражающие динамику языковой картины мира, заслуживают фиксации в этнолингвистических словарях.

Новые украинские данные, относящиеся к периоду полномасштабного вторжения РФ, дали возможность проследить целый спектр коммуникативно-смысловой вариативности, начиная от изменений речевого этикета и заканчивая функционированием аксиологического концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ, обнаруживающего свою внутреннюю противоречивость в условиях войны. Обращает на себя внимание проходящий лейтмотивом концепт ДОМ и тема его утраты, а также роль понятия СОЛИДАРНОСТЬ, расширяющегося на сферу национальной культуры. В то же время идет размывание прежних и поиск новых пространственных и хронологических моделей: исторических, социальных, индивидуальных.

Одним из наиболее интересных результатов для нас оказалась реактуализация внутренней формы слов и выражений со стертой семантикой. Высказанное в статье предположение о сужении сферы фигурального и сдвоенном, метонимически-метафорическом механизме обновленной образности, возникающей под влиянием изменившегося контекста, нуждается в дополнительных исследованиях.

Литература

- Bartmiński Jerzy, 2016, *Bardziej nas łączy kultura ludowa niż narodowa* [26 września 2016], <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/ludzieistyle/1676930,1,prof-jerzy-bartminski-bardziej-nas-laczy-kultura-ludowa-niz-narodowa.read>.
- Bartmiński Jerzy, 2020, *W poszukiwaniu paradygmatu etnolingwistyki: glosariusz kluczowych terminów i pojęć*, „Južnoslovenski filolog” LXXVI, sv. 2, s. 79–103.
- Brown Penelope, Levinson Stephen C., 1978, *Universals in Language Usage: Politeness Phenomena*, [In:] Esther N. Goody (ed.), *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 56–310.
- Brown Penelope, Levinson Stephen C., 1988, *Politeness. Some Universals in language usage*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Kreitler Hans, Kreitler Shulamith, 1972, *The model of cognitive orientation: Towards a theory of human behaviour*, „British Journal of Psychology”, 63(1), pp. 9–30.
- Kövecses Zoltán, 2020, *Extended Conceptual Metaphor Theory*, Cambridge: Cambridge University Press.
- LASiS – *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*, red. naczel. Jerzy Bartmiński, T. 1: *Dom*, red. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, Beata Żywicka, Lublin: Wydawnictwo UMCS 2015.
- T. 2: *Europa*, red. Wojciech Chlebda, Lublin–Opole: Wydawnictwo UMCS 2018.
- T. 3: *Praca*, red. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin: Wydawnictwo UMCS 2016.
- T. 4: *Wolność*, red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński, Lublin–Warszawa: Wydawnictwo UMCS 2019.
- T. 5: *Honor*, red. Petar Sotirov, Dejan Ajdačić, Lublin: Wydawnictwo UMCS 2017.
- T. 6: *Rodzina*, red. Dorota Pazio-Wlazłowska, Lublin–Warszawa: Wydawnictwo UMCS, Instytut Slawistyki PAN, Fundacja Slawistyczna 2025.
- T. 7: *Demokracja*, red. Jerzy Bartmiński, Monika Grzeszczak, Alena Rudenka, Lublin–Warszawa: Wydawnictwo UMCS, Instytut Slawistyki PAN, Fundacja Slawistyczna 2024.
- T. 8: *Zdrowie*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Ałła Kozhinowa, Joanna Szadura, Lublin: Wydawnictwo UMCS 2026.
- Landry Rodrigue, Allard Réal, 1992, *Ethnolinguistic Vitality and the Bilingual Development of Minority and Majority Group Students*, [In book:] *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Eds: Willem Fase, Koen Jaspaert, Sjaat Kroon, Benjamins, pp. 223–251.
- Masłowska Ewa, 2025, *Braterstwo dusz w obliczu tragedii (w dyskursie memowym wywołanym rosyjską inwazją na Ukrainę)*, „Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury” 37, s. 179–198.
- Popper Karl, 2013, *The open society and its enemies: New one-volume edition*, Princeton University Press, p. 581.
- Terkourafi Marina, 2015, *Conventionalization: A new agenda for im/politeness research*, „Journal of Pragmatics”, vol. 86(2), pp. 11–18.
- ГПАК – Maria Shvedova, Ruprecht von Waldenfels, Sergey Yarygin, Andriy Rysin, Vasyl Starko, Tymofij Nikolajenko et al. (2017–2025): GRAC: General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian. Electronic resource: Kyiv, L’viv, Jena. Available at <https://uacorporus.org/>.
- Роль OSINT – Rol’ OSINT-doslidžen’ u pidvyščenni rivnja nacional’noï bezpeky Ukraïny: materialy kruglogo stolu (m. L’viv, 7 travnja 2025 r.) / ukladač I. O. Revak, L’viv: L’vDUVS, 2025, <https://maidan.org.ua/2025/06/zvukovyy-teror-iaak-metod-katuvannia/>.
- СУМ – 11 – SUM – 11. *Slovnyk ukraïns’koï movy: v 11 tt.* / AN URSR. Instytut movoznavstva; za red. I. K. Bilodida, Kyiv: Naukova dumka, 1970–1980.
- Яворська 2024a – Javors’ka Galyna, 2024, *Dyskurs vijny (kil’ka metodologičnyh pytan’)*, [U kn.] *Mova i vijna: dynamika movnoï systemy i movna polityka*, red. Bogdan Ažnjuk, Kyiv: Vydavnyčyj dim Dmytra Burago, s. 211–228.
- Яворська 2024b – Javors’ka Galyna, 2024, *Polityčnyj dyskurs protyvnika (komunikatyvna perspektyva)*, [U kn.] *Strategični komunikacii v umovah vijny: pogljad vid volontera do naukovcja: monografija* / za zag. red. L. Kompancevoï, Kyiv: 7BC, s. 333–342.

Яворська, Чмир 2018 – Javors'ka Galyna, Čmir Olena, 2018, *Semantyka vijny i myru v sučasnyh slov'jans'kyh movah: istoryko-typologičnyj aspekt*, „Movoznavstvo” 3, s. 15–29.

**Słowniki etnolingwistyczne a dynamika orientacji poznawczych:
co należy odnotować i dlaczego?**

Streszczenie: Autorka podejmuje zagadnienia związane z leksykograficznym przedstawianiem danych etnolingwistycznych w kontekście gwałtownych zmian w orientacjach poznawczych określonej społeczności. Nowy materiał językowy – wynikający z pełnoskalowej agresji Rosji na Ukrainę oraz dyskursywnego obrazowania wojny rosyjsko-ukraińskiej – pozwala na zbadanie wzajemnych relacji między językiem a kulturą przez pryzmat ewoluujących orientacji poznawczych. Stanowi to podstawę dla badania konieczności dokumentowania danych kulturowych w słownikach etnolingwistycznych. Opracowanie opiera się na materiale empirycznym zaczerpniętym ze współczesnego języka i kultury ukraińskiej. Dane te poddano analizie z perspektywy semantycznej i pragmatycznej, kładąc nacisk na mechanizmy zmian kognitywno-semantycznych wywołanych czynnikami kontekstowymi.

Słowa kluczowe: etnolingwistyka; orientacja kognitywna; polaryzacja; semantyka; pragmatyka; koncepty aksjologiczne; leksykografia